

В. Г. Белинский

**Стихотворения Петра
Штавера...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Стихотворения

Петра Штавера...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2900845*

Аннотация

«Г-н Петр Штавер – извините нашу нескромность – должен быть молодой, даже очень молодой человек, – может быть, не старше пятнадцати лет... В этом уверились мы чрез впечатление, которое произвело на нас чтение его стихотворений. Нам даже очень хочется, чтоб автору было никак не больше пятнадцати лет, потому что в таком случае мы имели бы удовольствие признать в его стихотворениях нечто вроде таланта, чувства и если не мысли, то стремления к мысли, – а это не шуточное дело!...»

Содержание

Виссарион Григорьевич Белинский Стихотворения Петра Штавера...

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТРА ШТАВЕРА. Санкт-Петербург. В тип. Эдуарда Праца. 1845. В 12-ю д. л., 42 стр.

Г-н Петр Штавер – извините нашу нескромность – должен быть молодой, даже очень молодой человек, – может быть, не старше пятнадцати лет... В этом уверились мы чрез впечатление, которое произвело на нас чтение его стихотворений. Нам даже очень хочется, чтоб автору было никак не больше пятнадцати лет, потому что в таком случае мы имели бы удовольствие признать в его стихотворениях нечто вроде таланта, чувства и если не мысли, то стремления к мысли, – а это не шуточное дело! Но что ж тут до лет, какая нужда в метрике автора, когда его стихотворения сами за себя говорят?.. Метрика иногда много значит не в одних вопросах о звании и наследстве, но и в вопросах искусства и науки. Если двадцатилетний малой, наметавшийся в лавке, ловко и скоро сводит счеты, складывает и вычитает, множит и делит, принимает и сдает, – тут нет ничего удивительного, нет речи ни о

гении, ни о таланте: тут только способность, развитая навыком и рутиною. Но когда семилетний ребенок, который имеет полное право не знать счета дальше десяти, но который, несмотря на то, по пальцам и простым соображением умеет расчесть сумму, например, во сто рублей серебром, складывая, вычитая, множа и деля, тогда если вы и не увидите в нем гения математики, то все-таки подивитесь в нем необыкновенной природной способности. Выйдет ли со временем из этого мальчика замечательный математик, или ничего из него не выйдет – это другой вопрос. Факт доказанный, что иногда из детей, ничего не обещающих, выходят гениальные люди, а из гениальных детей дюжинные люди; но мы не будем распространяться об этом, чтоб не уклониться от главного предмета нашей речи. Известно, что, имея более или менее верный слух, через учение и упражнение, можно сделаться не только сносным музыкантом, но даже и сочинять кой-какие фантазийки: обыкновенно до этого доходят уже в лета возмужалости, при охоте к музыке, при знакомстве со множеством музыкальных произведений. Но это еще не значит быть ни музыкантом-артистом, ни композитором-художником. Когда же семилетнее или еще более малолетнее дитя обнаруживает способность запомнить и верно пропеть всякую музыкальную пьесу, какую удастся ему услышать: в этом дитяти, конечно, еще нельзя наверное увидеть будущего Моцарта или будущего Листа, но по крайней мере на его счет простительно ошибиться в таких неумеренных надеждах. То

же можно сказать о значении метрики в отношении к поэзии. Уменьше писать стихи – конечно, еще не талант, но все же способность; этою способностью владеет многое множество людей, и она-то заставляет многих из них видеть в себе талант поэтический. И вот, когда такой владеющий способностью стихотворства человек поначитается разных поэтов, пообразуется, поучится, то, в известные лета, ему ничего не стоит перекладывать в гладкие и звучные стихи чужие чувства, чужие мысли, да еще так ловко, что ни сам он, ни другие не подозревают в нем вороны в павлиньих перьях. В наше время чувство и мысли – нипочем. Не говоря уже о других поэтах, довольно иметь Пушкина и Лермонтова, чтоб владеть неисчерпаемым источником вдохновения. Возьмите любой стих из того или другого – и вот вам тема, на которую потянутся у вас нескончаемые варьяции... Но варьировать таким образом на чужие чувства и мысли может только человек возмужалый, развившийся; безбородый же юноша, тем более отрок, никогда не сумеет, не фальшивя, петь с чужого голоса. Его стих будет неуклюж, а заимствованные чувства и мысли он непременно исказит, изуродует. И потому, если в стихах слишком молодого человека заметно что-то вроде оригинальности, чувства и мысли, – явный знак, что у него есть талант. Даже его неумение сладить с непокорным языком, с упрямым стихом, – не только не портит дела, но еще придает ему ту прелесть, которою так исполнен несвязный лепет младенца.

Нам показалось (и мы были бы рады, если б последствия доказали, что мы не ошиблись в этом случае), нам показалось, что стихотворения г. Штавера носят на себе все признаки ранней молодости, при условии которой в них нельзя не признать дарования. Не беремся определять степень этого дарования, ни предсказывать границы его развития, потому что неопределенность составляет главный характер слишком юных дарований. Они могут развиваться – и могут исчезнуть, не дав цвета. В них не должно видеть что-то непременно великое в будущем. Стихотворения Пушкина-ребенка были довольно плохи, и по ним трудно было бы в то время признать в нем будущего великого поэта. Итак, говоря о стихотворениях г. Штавера, ограничимся настоящим, не забегая в будущее, будем говорить о том, что есть, не говоря о том, что может быть и может не быть.

Все стихотворения г. Штавера довольно слабы, и если б мы не предполагали их автора очень молодым, не стоило бы труда и говорить о них. Но что в опытах возмужалого человека поражает слабостью таланта или просто посредственностью, которая хуже бездарности, – то самое в опытах слишком молодого человека может быть признаком таланта неподдельного, но еще не овладевшего собственной силою. Нам кажется, что нельзя не видеть этого, например, вот хоть, в пьесе г. Штавера «На кладбище»:

Солнце яркое сияет

Над кладбищем меж ветвей
И могилы обливает
Светом радужных лучей.

Ветер листья чуть колышет,
Пробираясь меж крестов,
И прохладой легкой дышит
На обитель мертвецов.

Сном спокойным, непробудным
Люди, страсти – все здесь спит,
Все путем тяжелым, трудным
На покой сюда спешит.

Но и здесь есть жизнь, движенье...
Слышен шорох меж кустов,
Слышно чье-то приближенье,
Слышен говор голосов.

Видны двое: то тропую
Чуть заметною идут,
То, склонившись над плитою,
Тихо речь они ведут.

И в очах любовь сияет!
Так и здесь любовь живет?
Так ее не отгоняет
Мертвецов бесстрастных лед?

Да, и здесь так нежны взоры
И лобзанья на устах,
Полны чувства разговоры
И разлуки тот же страх!

Там, где смерть, восторгом бьются
Упоенные сердца
И слова любви несутся
Над жилищем мертвеца!

Так и в жизни: часто слезы
Заменяет радость вновь!
Как меж терниями розы,
Меж могилами любовь!

В этом стихотворении есть что-то похожее на поэтическое чувство, даже на поэтическую мысль; стих не чужд жизни, хотя и беден изяществом и точностью выражения. И от всего этого веет чем-то мило детским! Даже стихи:

Так ее не отгоняет
Мертвецов бесстрастных *лед*¹, —

даже эти стихи, возбуждая в читателе улыбку, не уничтожают в нем благосклонной готовности одобрить пьесу. Но самым характеристическим стихотворением в книжке г. Штавера надо признать «Желание»:

¹ Курсив здесь и в одной из следующих цитат принадлежит Белинскому.

Я не хочу, чтоб все меня любили,
Я не хочу везде встречать друзей,
Хочу, чтобы враги меня язвили
Бессильной злобою своей!

Пусть восстают! Я каждый шаг победный
Готов свою кровию залить!
Пусть упаду, измученный и бледный,
Но только прежде победить!

Пусть за моей победной колесницей
Всегда следит толпа врагов моих:
Я понесусь под небо вольной птицей, —
И хор завистников затих!

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобы не замереть в тиши.

В горниле сталь сильнее закалится,
В страданиях – грудь всю силу обретет;
Вода чиста, доколь она струится,
В покое – тиной зарастет!

Крепись, душа! Познай свое значенье,
Познай себя, познай свою всю мочь.
И ты поймешь, что сладостно мученье,

Когда есть сила превозмочь!

И скажешь ты: «Затем даны страдания,
Чтоб согреть остывшие сердца,
И назначенье жизни не мечтанье,
А деятельность мудреца.

Мечта, – ты скажешь, – детская забава,
Заняты мужа истинного – труд!
Не за мечты дается в мире слава,
Ее страданиями берут!»

Будь это стихотворение написано взрослым человеком, – оно было бы плохо в эстетическом отношении, особенно в отношении к стиху, и было бы довольно пошлым фразерством, исполненным претензий и жалкого самолюбия, в нравственном отношении. Но как стихотворение существа, еще колеблющегося на переходе от отрочества к юности, – оно очень замечательно. В стихе, которым оно написано, необработанном, невыдержанном, есть сила и размах; в чувстве, которым оно согрето, есть жизнь и жар; в мысли, которую оно проникнуто, есть достоинство и благородство, именно потому, что это – детская мысль.

Вот что сказали бы мы г. Штаверу, если бы он захотел нас послушать:

Жаль, любезный поэт, что вы поторопились издать в свет книжку первых своих опытов, без которой публика легко

могла бы обойтись, и не подождали более зрелых своих произведений, которые для всех были бы интереснее. Но дело сделано, и да простит вас за него бог! Но вперед не торопитесь ни писать, ни печататься, особенно – печататься... Если у вас есть талант, и призвание ваше велико в будущем, – успеете написаться и напечататься; если же это окажется не более, как «кипением крови и избытком сил»², – ваша преждевременная книжка будет вам досадна, как грех юности, как ошибка самолюбия. Но нам приятнее думать, что у вас есть семя таланта, которое со временем может вырасти и разрастись. Приготовьте себя к этому и не погубите семени. В наше время поэт, как поэт, не может обещать себе великого успеха, потому что наше время от каждого, – следовательно, и от поэта, – требует, чтоб он прежде всего и больше всего был – *человеком*. Не заботьтесь же о себе, как о поэте, и воспитывайте в себе человека. Не говорите, что вы не хотите, чтоб вас все любили, что вы не хотите везде встречать друзей и жаждете иметь врагов: это чувство ложное и парадное, которое извиняется только его юностию. Не покупайте любви людей изменою истине, уклончивостью и низостью; но и не позволяйте себе не дорожить ею или презирать ее: любовь ближних, законно и разумно приобретенная, – благо, которое выше всех благ. Верьте, что люди совсем не так хороши и совсем не так дурны, как делает их фантазия поэтов, которые

² Ср. в стихотворении Лермонтова «Не верь себе» о вдохновении: В нем признака небес напрасно не ищи — То кровь кипит, то сил избыток!

то любят в них восхищаться собственной своею особою, то позволяют себе вымещать на них свои недостатки или раны своего самолюбия, клеймя их презрением. Вообще, люди, по своей натуре, более хороши, нежели дурны, и не натура, а воспитание, нужда, ложная общественная жизнь делают их дурными. Почти во всяком из них, даже в самом дурном, есть своя прекрасная, человеческая сторона, только трудно подсмотреть и открыть ее. Последнее составляет благороднейшую миссию поэта: ему принадлежит по праву оправдание благородной человеческой природы, так же как ему же принадлежит по праву преследование ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека, делающей его иногда зверем, а чаще всего бесчувственным и бессильным животным. Люди – братья друг другу, хотя неразумность их отношений и делает их естественными врагами. Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей! Иметь врагов... источник этого желания заключается в эгоизме и самолюбивой уверенности быть лучше и выше всех людей: чувство жалкое и ничтожное, которое никогда не породит высоких поэтических созданий! Победить врага приятно: об этом ни слова, – однако ж врага, которого мы не вызывали, а который сам назвался на вражду; но еще приятнее сделать себе врага другом: это лучшая из побед! Человек имеет право ненавидеть в другом ложь и порок, но человек не имеет права ненавидеть человека, под опасением ужаснейшего из наказаний – перестать

быть человеком. Иметь врагов своей мысли, своему убеждению и бороться с ними до последних сил, – в этом есть свое величие, своя прекрасная сторона; но ничего нет хуже, как иметь личных врагов: этого никто не пожелает себе, и высочайшее несчастье для человека – носить в сердце своем личную вражду к человеку: это болезнь, мания, почти сумасшествие, от которого надо лечиться. Ездить на победной колеснице, конечно, приятно, но только тогда, когда вместе с вами торжествует правое дело; иначе вы – Марий или Сулла, которые купались в крови бессильных врагов... Что ж тут хорошего? Но вы, любезный поэт, говорите в свое оправдание:

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобы не замереть в тиши.

В горниле сталь сильнее закалится,
В страданиях – грудь всю силу обретет;
Вода чиста, доколь она струится,
В покое – тиной зарастет!

Прекрасно! но что бы вы сказали о человеке, который для того, чтоб его члены и мускулы не ослабли в бездействии и неподвижности, пошел бы по улице, да и ну колотить встречного и поперечного?.. Не правда ли, это смешно?.. Нет, лю-

безный поэт, не заботьтесь о врагах и страданиях; напротив, употребляйте все силы избегать их, потому что враги и страдания явятся сами – их никто не избегал. Обратите прежде всего внимание на самого себя и постарайтесь познакомиться, сблизиться и разумно подружиться с самим собою, чтоб со временем не найти в себе собственного своего врага, – а это самый опасный, самый жестокий из врагов! Не льстите себе и будьте с собою строги, чтоб найти в себе друга разумного и честного, а не предателя коварного. Тогда одержите вы самую великую и блестящую победу над злейшим из врагов своих: это победа! Она будет стоить много труда и большой борьбы, которая не даст вам «замереть в тиши»... Но это еще не все, чтоб спастись от душевного застоя, от нравственной апатии: перед вами жизнь и мир – полюбите их и наслаждайтесь ими! Для этого также нужны труд и борьба. Жизнь, природа, человек, человечество, наука, искусство – какое обширное, великое, бесконечное поприще для борьбы благородной, для упражнения юных и свежих сил! Зачем тут враги, и без них много дела! Зачем говорить:

Пусть за моей победной колесницей
Всегда следит толпа врагов моих:
Я понесусь на небо вольной птицей, —
И хор *завистников* затих?..

В небе, то есть в верхних слоях атмосферы, пусто и холодно, и человеку хорошо только с людьми – «в тесноте лю-

ди живут»³. ... Только гордость, основанная на самолюбии и эгоизме, – один из самых губительных пороков, – только гордость гонит человека из общества ближних его и стремится его на пустую и холодную высоту, откуда он находит жалкое наслаждение видеть под собою «хор завистников». Сказать: я имею завистников, – не значит ли это: какой я замечательный человек! Обрадоваться числу своих завистников, – не значит ли это обнаружить то мелкое и пошлое чувство, которое свойственно только маленьким великим людям⁴ – этим карикатурам на великих людей? Нет, истинно хорошему, дельному человеку горько иметь завистников; для него это – несчастье. Он хочет иметь таланты и достоинства, хочет много знать, много сметь и много мочь, но не для потехи своего самолюбия, не для жалкого удовольствия приобрести врагов и завистников, а для разумного и законного наслаждения жизнью, потому что чем более он имеет, знает, смеет и может, – тем более он живет. Его никогда не порадует, но всегда огорчит, ничтожество окружающих его людей, – и для него было бы величайшим блаженством дать им еще больше, нежели сколько он сам имеет, поднять их еще выше самого себя. Благородная душа, исполненная великодушных стремлений, не терпит вокруг себя ни рабов, ни угодников, ни хвалителей, ни льстецов; ей тесно и душно среди этих искажен-

³ См. народную пословицу: «В тесноте люди живут, а на простор навоз вывозят».

⁴ См. примеч. 28 к статье «Русская литература в 1844 году».

ных существ, и она может дышать свободно только среди братьев, связанных с нею узами симпатии ко всему разумному и человеческому. Для нее жизнь – богатая и роскошная трапеза, которую она хотела бы разделить со всеми, чтоб тем более самой насладиться ею... Да, любезный поэт, учитеесь не увлекаться одним огромным – оно часто только чудовищно, а не велико; учитеесь не увлекаться одним поражающим, эффектным, блестящим, ярким. Все истинное и великое – просто и скромно; оно целомудренно стыдится своего достоинства, как красота целомудренно стыдится наготы своей, и оттого делается еще прекраснее. Истину, благо и красоту надо любить для них самих, а не для нас самих, – как внутренне драгоценное само по себе, а не как пышный наряд, возбуждающий к тому, кто щеголяет в нем, удивление и зависть толпы. Человек сильный, могущественный, огромный – еще не всегда в то же время и великий человек. Нет спора, что как воитель Наполеон не имеет себе соперников в истории человечества; но, в глазах истинно мудрых, простой, скромный, неблестящий Вашингтон в тысячу раз более всех возможных Наполеонов имеет право на имя *великого человека*. Только невежественная толпа, тупая чернь и жалкое суемудрие преклоняют колени и обожествляют гнетущую ее наглую силу, отражающуюся на бессовестности, обмане, вероломстве и злодействе... Покажите дикарю фольгу и золото: он бросится на фольгу, потому что она ярко блестит; покажите невежде белый мрамор Аполлона Бельведерского и раскра-

шенную восковую куклу: он удивится кукле, не обратив внимания на Аполлона. Увы! сколько таких дикарей и невежд между так называемыми умными, учеными, образованными и талантливými людьми! Бойтесь, любезный поэт, попасть в число этих людей, – и, чтоб избежать такого несчастья, отвращайтесь всего эффектного, натянутого, ложного, призрачного! Будьте просты и скромны, радость предпочитайте горю, веселие – грусти, наслаждение – страданию. Сносите все горькое мужественно и благородно, когда горе посетит вас, но не желайте, не ищите горя, подобно этим романтическим совам, которые боятся унизить свое достоинство *глубоких и высших натур*, перестав хоть на минуту морщиться и хныкать и предавшись веселому влечению минуты. Смотрите на жизнь, как на наслаждение, и умеете наслаждаться ею разумно: тогда увидите вы, как прекрасна она, как много в ней счастья и упоения и как жалки слепые романтические клеветники жизни, которые всё смотрят *куда-то туда*, сами не зная куда⁵... И пусть руководят вами на пути жизни любовь, которая все прощает, все очищает, все облагораживает и освящает, – и смелый, свободный разум, который не боится мук сомнения и, многим рискуя, много завоевывает для счастья... Тогда вы увидите, что можно хорошо прожить и без врагов и без завистников и что без борьбы с ними вам будет чем наполнить свою жизнь, не дать очерстветь чувству,

⁵ Обычная у Белинского насмешка над романтическими натурами. Ср. рефрен в «Песне Миньоны» Гете: «Dahin, dahin...» («Туда, туда...»).

погаснуть уму... Тогда, если вы будете поэтом, песни ваши будут не только прекрасны, но и живительны, плодородны; а если и не будете поэтом – что ж! вы будете *человеком*, а это, право, стоит всякого поэта...